

**И
БУДЕТ
СКАЗАНИЕ
ВЕЧНЫМ**

КРИС САЛАЗАР

БИОГРАФИЯ МИГЕЛЯ СЕРРАНО

Крис Салазар

**Биография Мигеля Серрано:
И будет сказание вечным**

2016

Данная электронная книга свободна для некоммерческого использования и распространения при условии, что Вы не будете изменять текст книги.

Оригинал книги (актуальная версия перевода) всегда доступен на сайте электронного издательства «Ex Nord Lux DIGITAL».

Салазар К.

Биография Мигеля Серрано: И будет сказание вечным. — 2016. — 44 с.

Короткая биография Мигеля Серрано, принадлежащая перу чилийца Криса Салазара, лично знакомого со своим великим соотечественником. Немногословный и ясный текст поможет разобраться с многочисленными книгами Серрано, соотнеся время их написания с событиями в жизни автора. Шаг за шагом читатель сможет проследить развитие уникальной философии. Эта биография, открывающая ряд ранее малоизвестных фактов, адресована всем интересующимся наследием и личностью Мигеля Серрано.

© Издательство «Ex Nord Lux DIGITAL»,
перевод, обложка,
публикация электронной версии книги
на русском языке, 2016

Содержание

И будет сказание вечным.....	5
Литературное поколение 1938	7
Национал–социализм и эзотеризм	9
Злободневные действия	11
Антарктика.....	13
Град Цезарей.....	15
Юнг и Гессе: герметический круг.....	17
Несуществующий цветок	19
Он–Она: трагедия вечной любви	21
Посещение Индии	23
Серрано «спасает» Антарктику.....	25
Прекращение дипломатической карьеры и жизнь в Европе	27
Возвращение в Сантьяго–де–Нуэва Эстремадура.....	30
Доктринальные и идеологические сочинения	32
Полемические обвинения	35
Ретроспектива и мемуары.....	37
Последние издания.....	39
Отрицание и кара: мнение Урибе	41
Кем был Мигель Серрано.....	43

От издателя

Уважаемый читатель! Мы всегда рады видеть Вас на сайте электронного издательства «Ex Nord Lux DIGITAL», а также в группах издательства в соцсетях:

- Сайт электронного издательства: <http://nordlux-digi.org>
- Telegram: <https://telegram.me/exnordlux>
- ВКонтакте: https://vk.com/nordlux_org
- Facebook: <https://www.facebook.com/exnordlux>
- LiveJournal: <http://exnordlux.livejournal.com>
- Twitter: <https://twitter.com/exnordlux>

И будет сказание вечным

Последний рассвет февраля оказался дождливым. Всполохи молний резали небо, рев доносился из звездных миров, будто старавшихся ужаснуть людей божественным гневом, о котором они позабыли века назад. Странная, необычная погода для середины лета в Сантьяго де Чили.

И всё же, он был красив — этот день, когда ушел дон Мигель Серрано Фернандес, оставив заботы об отечестве после всех надежд и сражений, после яростной преданности идее. Синхронистичность была его верой — и летний день его смерти взорвался ливнем, бесконечной канонадой молний, ударами Торова молота, бьющего об небесный свод будто о наковальню.

Вся жизнь Серрано — в исключении, неприятии, восстании: *в том, что существовать не может, но всё же существует.* Всегда против течения, против всех и вся, не думая о последствиях для карьеры, репутации, независимо от мнения света, который ценит только покладистых. А любовь его жизни — наш город, Сантьяго-де-Нуэва Эстремадура. Его закоулками и тупичками он ходил вновь и вновь, каждый раз — будто впервые оказавшись здесь. Вот что он говорил в интервью веб-сайту nuestro.cl:

«Я каждый день ощущаю ностальгию, тоску о том, что ушло. И всё же, Сантьяго пока существует — с тайнами, неведомыми уголками по соседству, нищими кварталами, с Авенида Мата, Мапочо. Повсюду потаенные места, скрытые площади. Вопреки небоскрегам. Квартал Конча и Торо, Вальпараисо. Улица Кармен, улица Марколета. Холм Санта Лусия. Я ощущаю ностальгию по тем беседам в барах до утра, тоску по тому значению, каким в былые времена наделялась дружба».

Те же люди, что помогли замести под ковер воспевающие преступления Сталина «Оды» Пабло Неруды, или, надев шелковые перчатки, перебирали гневные речи Володи Тейтельбома, фанатично оправдывающего резню, учиненную большевистской тиранией — те же самые люди так никогда и не простили Серрано «неприемлемых» политических убеждений. Его выставили сумасшедшим нацистом, по любому поводу «предавали анафеме», неизменно препятствуя любому признанию его трудов и получению заслуженных наград.

Однако никто не мог лишить Серрано восхищения со стороны тех, кто был с ним лично знаком. Меня удивило разнообразие тех, кто пришел проститься с ним: интеллектуалы, художники, музыканты, поэты и, конечно, круг его товарищей. Смерть Серрано, возможно, вызвала то же единодушие, что окружало его и при жизни. Это необъяснимо, если не отбросить предрассудки, витающие вокруг личности Серрано, как планеты вокруг слепяще-яркого Солнца.

Литературное поколение 1938

Мигель Серрано Фернандес родился 10 сентября 1917 года, на улице Санто-Доминго в Сантьяго де Чили; в городе, от которого так никогда и не смог освободиться, хотя и покидал надолго. «Обок с высокими пиками моего края», так описывал он свою сокровенную связь с чилийской столицей, особым значением наделяя ее название. Рано потеряв родителей, он был зачислен в школу имени Барроса Араны. Любопытно, что многие соученики Серрано впоследствии стали видными фигурами в мире искусств.

Юность его тесно переплетена с чудесным цветком нашей художественной культуры: литературным поколением 1938 — вероятно, самым плодотворным и ценным во всей истории чилийской литературы. Серрано был, так сказать, частью Круглого стола литературных приятелей, старых и малых, постоянно укреплявшегося творческими извержениями в ежедневных собраниях на улице Сан-Диего и Авенида Матта. Среди прочих, здесь были Гектор Баррето, Теофило Сид, Хуан Эмар, Гильермо Атиас, Браулио Арена, Энрике Гомес Корреа, Хайме Райо и Эдуардо Ангуита. Каждый из них наделил чилийскую литературу особенной личной чертой — именно потому их и принято считать поколением самых одаренных наших художников слова.

Серрано был любимым племянником Висенте Уидобро, ведущего чилийского поэта того времени. Окружали его и другие авторы, сочувствовавшие (с началом гражданской войны) делу испанских республиканцев. И всё же, к политике Серрано склонился только в 1936, когда его друг, писатель Гектор Баррето погиб в столкновении между социалистами и нацистами в одном из ресторанов, часто посещаемых молодыми авторами — драка закончилась стрельбой, Баррето был убит. Тогда Серрано пишет черновики с первой попыткой изложить свои политические принципы, напечатанные позднее в некоторых журналах социалистов. Серрано также всегда содействовал сохранению литературного наследия убитого поэта, став буквально его посланцем в мире тех, кто остался жить. Общение в кругах политических левых привело к знакомству с Бланкой Луз Брум, уругвайской поэтессой, тогда жившей в Чили (в зрелые годы Брум также склонится к национализму).

Оставаясь обособленным от групп вроде «Мандрагора» или «Давид», Серрано не только принадлежал к сущностной части своего поколения, но и сам участвовал в его формировании, когда в 1938 году, в возрасте всего 21 года, издал свою «Антологию реалистической повести в Чили». Ценность и прозорливость этого труда делает его одним из величайших достижений национальной литературы. С дерзостью, вызвавшей многие споры среди коллег, Серрано включает в книгу повести некоторых своих юных друзей, в ту пору известных только узкому кругу товарищей.

Профессиональные писатели, как, например, Карлос Дрогетт, яростно оспаривали право Серрано на такие самонадеянные суждения — и всё же, время подтвердило правоту дона Мигеля. Ангуита назвал «Антологию» Серрано «заявкой на установление аксиомы, абсолюта — согласно которым произведение жанра короткой повести может расцениваться как по-настоящему чилийское».

Национал–социализм и эзотеризм

В том же 1938 году, 5 сентября, произошло одно из самых чудовищных событий чилийской истории: бойня в Рабочем страховом фонде, когда 59 молодых национал–социалистов, вдохновленных Третьим райхом участников восстания против правительства Артуро Алессандри, были зверски убиты в здании Рабочего страхового фонда (теперь — Министерство юстиции на площади Конституции) со злобой и жесткостью, всколыхнувшими чилийское общество; одним из последствий стало поражение на следующих выборах официального преемника президента, Густаво Росса Санта Марии. С небольшим перевесом был избран Педро Агирре Серда.

Серрано, взволнованный и желающий лучше понять происшедшее, искал встречи с одним из лидеров национал–социалистов, Карлосом Келлером. Состоявшаяся беседа произвела на молодого писателя глубокое впечатление — обдумав сказанное, он предложил свою помощь главе креольского нацизма, адвокату Хорхе Гонсалесу фон Маресу — их переписка была опубликована в прессе. От этого момента длится преданность Серрано идее национал–социализма и гитлеровской Германии; начинается его активная работа в газете «Труд», официальном печатном органе движения.

В 1939 году он издает работу «Южноамериканский дискурс», в основу которой легла речь, произнесенная в Зале славы университета Чили. С этим текстом начинает формироваться оригинальная матрица ценностей Серрано, отстаивание национальной идентичности и предсказание великих исторических перемен.

С началом Второй мировой войны он не скрывал сочувствия гитлеризму, попав в «черные списки», распространяемые в Чили Союзниками. В конце концов, политические взгляды обрекли Серрано на пренебрежение со стороны официальных кругов национальной культуры. Любые премии и всякое признание обходили его стороной, — такова была кара за политический выбор, сделанный им единожды и навсегда. Несмотря на невзгоды, Серрано оставался верен идеалам весь свой земной срок. Его поддерживали силы и убеждения иных миров, иных жизней.

В 1941 году, когда потусторонние идеи уже утвердились в его личности, Серрано пишет одну из важнейших своих работ: «Темнейшая эра», о которой Уидобро, прежде чем прекратить отноше-

ния с племянником из политических соображений, отзывался как о «наиболее примечательной во всей современной литературе». Кроме того, многие расценивают этот сборник повестей как импульс к формированию всей идентичности Поколения 1938. Во время войны Серрано также издавал журнал «Новый век», в котором исследовал неслыханные раньше и вызывавшие многие сомнения темы глубинных причин европейского конфликта, будто бы рожденного сокровенным противостоянием элементарных мировых сил, повторяющих космическую битву, восходящую к началам Творения. Подобные представления, и сейчас и тогда звучащие одинаково странно, спустя годы будут популяризованы вычурными текстами Луи Повеля и Жака Бержье.

Позднее сам Серрано утверждал, что получил в те годы посвящение от эзотерического наставника, и с тех пор не оставлял некоторой эклектической философской практики. Его военные публикации — только прологи к эзотерическому гитлеризму, ставшему осевой темой всех его книг, явно или скрыто.

И всё же, наиболее полно раскрывающие эту тему работы будут написаны много позднее: «Золотая цепь», «Адольф Гитлер: последний аватара» и «Ману: человеку грядущему». Как принято считать, именно трилогия эзотерического гитлеризма прервала его дипломатическую карьеру и обрекла на презрение со стороны тех, кто судил о нём по убеждениям, а не делам. Здесь нужно отметить, что убеждения Мигеля Серрано всегда были основаны на эзотерическом знании, которым он частично делился с читателем. «Только миф вдохновляет меня», — вот о чём свидетельствуют его сочинения, сложенные из эфирной поэтической прозы, искусных фигур и метафор, кодов, символов и слов узкоупотребительного жаргона.

Злободневные действия

Хотя социальная роль и политические представления Серрано были ориентированны на архаичную языческую философию, он не чуждался дел, связанных с острыми проблемами текущего момента. Например, он попытался убедить канцлера Хоакина Фернандеса не отдавать распоряжения о разрыве связей со странами Оси — напрасно, поскольку президент Хуан Антонио Риос уступал любому давлению со стороны Союзников.

Разрыв со странами Оси и подчиненность правительства воле Соединенных штатов, стороной, наиболее заинтересованной в изоляции Германии и Италии, вызвали ропот чилийских военных. Подстрекаемые аргентинским движением перонистов, они всерьез рассматривали возможность переворота. Серрано и прочие националисты не поддержали ни этот, ни последующие покушения на власть.

Серрано тогда работал для издательского агентства «Панагра» в Уерфанос, вместе с Моранде; это место обеспечила ему жена директора Бланка Луз, так же, как и Серрано, перешедшая от левых к националистам. Тогда Серрано оповестил власти, сорвав намечавшийся военный переворот, подготовленный чилийскими офицерами и генералом Ибаньесом дель Кампо, тайно направляемых аргентинскими националистами, которые в 1948 предпримут попытку свергнуть и чилийского президента Габриэля Гонсалеса Виделу.

Этот заговор, вошедший в историю как «Поросячьи ножки», описан Леонидасом Браво в известной книге «Что я узнал, будучи военным аудитором».

Серрано пишет: «Если бы не мое вмешательство, заговор преуспел бы. Я виделся с президентом, он принял меня в кабинете на Ла Монеда. Я был арестован, а он освободил меня; также Оскара Хименеса и Серджио Онофре Харпа. Я настоял на невиновности Оскара. Я решил еще раз увидеться с Габриэлем Гонсалесом Виделой, и посетил его во дворце Кастилло Серро, в Вилла дель Мар. Он развалился в кресле, почти как ребенок, нервно выслушивая мои соображения, но вскоре перебил меня, чтобы заявить: “Послушайте, достаточно, не говорите больше ничего. Вы очень молодой человек, ничего не знаете о политике. В ней полно

грязи, и я по горло увяз...”. Он сделал торопливый жест рукой, мы распрощались, и никогда больше не виделись».

Это событие послужило причиной разрыва между Серрано и другим чилийским национал-социалистом, Гильермо Искуэрдо Арайей, поддержавшим заговорщиков. Несмотря ни на что, Серрано никогда не пятнал достоинства и памяти его бывших товарищей-левых, по-прежнему высказывая им свое почтение.

Антарктика

27 января 1947 года началось строительство первой чилийской базы в Антарктике, территорию ее утвердило правительство Агирре Серды. Поначалу база получила имя «Независимость», но позднее была переименована в «Артуго Прат». Разработанная архитектором Хулио Барросом Рипамонти, она включала док и жилища из стандартных флотских блоков. Построенная в чилийском Бахиа, на острове Гринвич и Южных Шетландских островах, база располагала антеннами, радиостанциями, складами, кухнями и постоянным отоплением. Официальное открытие 6 февраля провел командор Антарктического флота Федерико Гуэсалага Торо.

Вместе с военными в униформе, участие в церемонии принимали и многие гражданские знаменитости, например, будущий директор Чилийского антарктического института Оскар Пиночет де ла Барра, выдающийся экс-посол Хосе Мигель Баррос, журналист Оскар Вила Лабра, автор книги «Чилийцы в Антарктике», предисловие к которой написал Франсиско Колоане, также участвовавший в этих экспедициях. Мигель Серрано участвовал в церемонии как репортер журнала «Зигзаг» и важнейшей чилийской газеты «Эль Меркурио».

Годы спустя Серрано признал, что присоединился к экспедиции из убеждения, что мог бы отыскать мифические «полярные входы» ко Внутренней Земле, где, согласно легенде, по окончании Второй мировой нашли убежище фюрер и вернейшие его соратники, ожидая теперь последних времен. Разумеется, Серрано были известны подробности загадочной немецкой антарктической миссии капитана Ричера — откуда и произрастали его надежды.

Чрезвычайные переживания автора в той легендарной экспедиции стали глубочайшим вдохновением для многих работ, как его, так и других писателей, анализирующих мифы Антарктики. Так в 1948 году родилась лекция «Антарктика и прочие мифы». В работе «Компас души указывает на юг», Серрано постоянно возвращается к теме Антарктики, заново переживая ее приключения. «Антарктика — половые органы мира», «Чили располагается недалеко от муладхара-чакры Земли»... так поэт объяснял причину высокой сексуализированности чилийского общества.

В качестве признания участия Мигеля Серрано в тех экспедициях, одна из антарктических гор была названа его именем —

но впоследствии, в ходе карательной кампании против писателя, она получила другое имя.

Магическое путешествие указало дорогу на свет и еще одной жемчужине чилийской литературы: в 1957 выходит «Приглашение в ледяные пустоши». Несмотря на некоторую незавершенность самой таинственной части фабулы, эта книга разошлась по миру наиболее широко. Здесь мы найдем строки несравненной поэтической сладости:

«Глаза сфокусировались и застыли, очарованные; образ льдов над моей головой впечатался в память. Невообразимая громада нависала надо мной, звеня в лучах солнца. На верхнем ее крае лед обрывался будто зубчатой стеной. Белый свет расщеплялся в насыщенные тона темно-зеленых, желтых и черных пятен. Ощущение прекрасного и ужас перемешались. Я не мог быть уверенным в том, что стена движется, но знал наверняка, что нечто, обладающее величайшей сокровенностью, подступает ко мне ближе и ближе. Тогда я услышал слабый шорох, будто вздохи с парпетов ледяного замка, простреливаемых дивно изменчивым светом. Вниз медленно проплыли воздушные снежные перышки. Они ласково опали на меня; миллионами их была устлана малая полянка. Я унял страх. Видение было настолько нереальным, что мне показалось нестрашно умереть в то же мгновение. Всё было покрыто крошечными душами льда, пропитанными холодом сверхчеловеческого света, звенящими горестным чувством. И посреди слёз я слышал скрытую музыку вздохов, потрескивание парпета и полет тех кристаллов, воздушных паров, затвердевших в сухом, морозном воздухе. Почему не умер я в то мгновение?».

За написанием этих строк стояли не только антарктические воспоминания, но и другое, глубоко личное переживание. Кроме того, Антарктика имела большое значение в дипломатической деятельности Серрано.

Град Цезарей

В этот период автор начинает работу над третьей книгой, «Ни сушей ни морем» — которая, будучи опубликованной в 1950, останется незавершенной до появления продолжающего ее «Приглашения в ледяные пустоши».

Название книги — часть изречения Ницше: «ни сушей ни морем ты не найдешь дороги к гипербореям», а сама она — одна из величайших книг, известных чилийской культуре; Энрике Лафуркад причислил ее к списку лучших произведений чилийских авторов.

Серрано, как исключительный хронист души, повествует о собственном открытии Чили, делясь им на литературных встречах старых друзей в Сантьяго, а после предпринимает путешествие на юг, встречаясь с мифами, тайнами, легендами почти дикого края, где два рога пика Мелимойю, магической горы юга Чили, вздымаются в небо под венерианским светом Утренней звезды. Убеденный, что земные и внешние путешествия — отражения блужданий души, возвращенные глазам путешественника посредством сакральной географии, Серрано пишет:

«Чили — как расщелина в горах. Кто сорвется сюда — уже не выберется. Падь, терпящая муки раскаяния. Отвесные скользкие стены не позволят взобраться наверх. Руки и ноги изранены неудачными попытками, ногти содраны о камни. Что же делать? Почему мы здесь? Но этой земле мы обязаны всем. Видя братьев в беде, мы чувствуем единство с ними. В их горьком отчаянии есть и величие, которого нигде в мире больше не найдешь. Молчаливая устремленность, неисповеданная вера. Чилийская хворь — как ужасные красные раны снов, как святые болезни, что разрушают и убивают; но перед самой расправой делают из жертвы гения или святого. Чили — как святая бездна раскаяния. Здесь происходит распад, но здесь же сознание разгоняется до степеней и глубины, недоступных больше нигде на земле. Всё, что в Европе столетиями вызревает в умах людей, под смертным влиянием земли Чили может быть осознано одним поколением. Жизнь здесь коротка, но глубока. Годы и столетия исполняются в душе, обнажая космические бездны в единственной капле воды или принесенной ветром пылинке с гор».

Тропа ведет его к мифическому Граду Цезарей, к Калеуче:

«Легенда живет и питает глубинное чувство. Некоторое событие, ставшее истоком самого воображения как такового, продолжает выживать, выражая себя в символах раскручивающихся веков. Самое отдаленное прошлое этого мира, несомненно, постигает катастрофа, расчленившая землю. Волей providения некоторые люди спасаются в лодках, наверное, примитивных крестьянских суденышках, постоянно захлестываемых волнами — можно сказать, они плыли под водой — и таков был Ковчег спасения. И те, кто всё же выжил, должны были видеть дрейфующие лодки с умершими, увлекаемые течениями океана».

«...Легенда о Граде Цезарей была смешана с легендой о Калеуче. Отец Маскарди искал Град среди озер и гор юга. Можно ли вообще найти его? Калеуче ходит под водой. Сможет ли это судно пройти подо льдами к Южному полюсу? Может быть, там обнаружится бессмертный Град?».

Юнг и Гессе: герметический круг

В 1951 году Серрано предстояло впервые отправиться в Европу — издательство «Панагра» командировало его как участника делегации, должной освещать Мировой конгресс прессы во Франции.

Полученный опыт был очень ценен для поэта: хоть мельком и украдкой, но он увидел те волновавшие его уголки Старого света, где разыгрался конфликт Второй мировой войны — места, до тех пор известные ему только понаслышке.

Именно тогда он захотел посетить виллу Каса Камуцци в Монтаньоле, итальянском кантоне Швейцарии, где тогда жил Герман Гессе. Уже несколько лет как получивший Нобелевскую премию, Гессе оставался едва известен миру.

Встреча, произошедшая в июле 1951, была восхитительна: преодолев языковые ограничения, писатели поняли друг друга, начав дружбу, протянувшуюся через время и пространство в манере почти сверхъестественной. Они обменивались письмами до самого дня смерти великого немецкого писателя в 1965.

Потому Серрано знал о Гессе то, чего не знали другие: воспоминания, наброски биографии и другие труды — сокровище неизмеримой ценности. Серрано стал великим борцом с неверной интерпретацией Гессе на западе, где его сочинения постоянно приспособляли к переменчивым массовым течениям, в основном, американской поп-культуры. Например, Серрано высказывался против экранизации «Степного волка», полностью переработанной в духе, противном оригиналу, — фильм в итоге прошел незамеченным, не найдя в мире ни позора ни славы. Часть своих сил Серрано посвятил не только отрицанию неверного толкования Гессе, но и сохранению сущностного значения писателя. Одно из последних его сообщений в этой связи было опубликовано в «Эль Меркурио» 10 марта 2002:

«К несчастью, образ глубочайшего писателя и поэта Германа Гессе оказался сфальсифицирован и вульгаризован декадентским миром. Тем, кто однажды содрогнулся в присутствии его таинств, сегодня нужно перечитать его книги. “Демиян”, например, серьезными читателями того времени всегда понимался как символическая работа, отражающая масонскую легенду о Еве и “Сыновьях Вдовы” (к которым принадлежит и сам Демиян). Искатель Синклер (это имя великих наследственных мастеров шотландского ма-

сонства) — это толкование юнгианской концепции “Самости”, себя-самого, с уже присоединенной к самому себе душой-“анимой”; абсолютного человека. Вот что такое Демиан — “самость” Синклера. Демиан также — последователь гностического бога Абраксаса, объединяющего в себе противоположности».

Серрано привлекает Юнга для толкования Гессе вовсе не случайно: после встречи с немецким писателем оставался еще один шаг, чтобы замкнуть круг предначертания — и к концу 1959 года жизнь свела его со знаменитым швейцарским психологом Карлом Густавом Юнгом.

Насколько же сильной должна была быть встреча, если их архетипы будто сплывались в жаре земель восточной Индии, где обоим в том время случилось быть; Юнг сделал тогда то, чего не повторил больше никогда в жизни, а именно — написал предисловие к книге Серрано, которая вот-вот должна была появиться, «Визиты царицы Савской». Об индийском опыте Серрано мы еще расскажем. Юнг, хотя и умерший вскоре в 1961 году, оказал на чилийского поэта влияние, которое невозможно отрицать.

Опыт дружбы с Гессе и Юнгом оказался в чём-то решающим для Серрано. Он ощущал себя связующим звеном меж двух авторов, столь влиятельных в наше время. И в 1965 году он написал одну из прекраснейших своих книг, получившую наибольшее международное распространение: «Герметический круг — история о двух дружбах». Здесь представлен ряд откровений об обоих фигурах: беседы, документы, случаи из жизни и иные материалы, ранее нигде не появлявшиеся.

Определенно, это была одна из книг, обеспечивших Мигелю Серрано международное признание.

Несуществующий цветок

Переживание экзистенциальных символов вместе с обоими авторами отразилось также в поэзии «Несуществующего цветка», изданной в 1969 году книги, иллюстрированной Хулио Эскаме-сом, и встретившей восторженный прием писателей Армандо Урибе, Эрнана дель Соляр и Эрнана Диаса Аррьеты (Алоне) и других. Ведомое страстью, чарующее перо Серрано скользит, вычерчивая сакральную географию волшебных пейзажей:

«Я абсолютно верил всему, что говорила Королева; на самом деле, верю и сейчас. Я был убежден, что пойду и отыщу Град, и потому никогда не впадал в отчаяние. Даже когда мне случалось переживать крайние тяготы, блуждая среди пиков и провалов, видение тех темных глаз побуждало меня продолжать устремление в неизвестное.

Я был так околдован, что пересек половину мира в поисках Града. Я открывал потоки и озера, которых никто не видывал ранее, проходил через горы, совершенно никому неизвестные. В высокогорных областях я находил сияющие необычайно яркими красками цветы, и открывал высокие плато, укутанные снегом, похожим на пену. Я купался в ледяных водах озера Науэль-Уапи, где ангелы омывают крылья, и ночью простирался под сенью деревьев, глядя в небеса в надежде на знак, дружественный свет от Господа нашего, который направил бы мои стопы.

Никто, даже Сан Ксавьер не знал, насколько Град близок; временами я почти что верил, что уже вошел в него. Однажды мне встретился одинокий странник из Патагонии, в сопровождении белой собаки. Он не собирался останавливаться, но я окликнул его. Он был испанцем, и я спросил, не желает ли он исповедаться. Он взглянул на меня странно; я понял, что и он отмечен влиянием Королевы. Тогда он сказал: «Не я, но ты нуждаешься в исповеди — не священнику, такому как ты, но совсем другому, о каких мне известно. Ты ищешь чего-то, что не имеет никакого отношения к нашим временам. Исповедайся сам себе, но скажи правду, а правда в том, что ты — анкауинка». Несуществующий цветок, таким образом — архетип бессмертия. Несуществующий, но более реальный, чем все прочие цветы во всех садах мира. В интервью журналу «Ercilla» 23 декабря 1970 года автор размышляет об истоках представления о нём:

«...Цветок происходит от того, что Юнг назвал Самостью и определял как идеальную точку психики, равноудаленную от сознания и бессознательного, — нечто, чего не существует, но что более реально, чем всё существующее. Это мечта, миф, идеал, легенда. Это призраки, сон о вечной любви, ради которого некоторые люди расстаются с жизнью, а в момент смерти — сомневаются. Но запоздалое сомнение уже неспособно отклонить предначертания. Вот что такое Несуществующий цветок».

Он—Она: трагедия вечной любви

Любовь обернулась для Серрано трагедией: такой всеохватной и болезненной, что открыто рассказать о ней он решился только спустя долгие годы, в книге «Воспоминания о нём и обо мне». Его личная трагедия воплотила «архетип вечной любви», подобно историям Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды, Ясона и Медеи, Осириса и Исиды...

Серрано завязал дружбу с прекрасной молодой немкой Ирен Клатт — златовласой красавицей с глазами как «хрусталь, озаряющий ночной мрак». Мы не станем пересказывать моменты книги, описывающие ее красоту — только сам Серрано вправе говорить о совершенстве ее золотой божественности.

Несмотря на молодость и здоровую жизнь (она даже была чемпионкой в верховой езде), Ирен страдала от болезней органов дыхания; фактически, Мигель и познакомился с ней в санатории Сан-Хосе де Маипо. Однако развить знакомство получилось только в 1951 году: по рекомендации Нино Коррадини Серрано посещает Ирен в старом квартале Авенида Суэция, в Провиденсии, ища помощи в переводе некоторых текстов Густава Майринка — во всяком случае, таков был предлог.

Ирен — женщина чрезвычайного ума, образования и проницательности. Она пишет картины и ваяет «работы необычайно странные в их внеземной красоте», как говорит Серрано. Личное обаяние и чудесная привлекательность — писатель безнадежно влюбляется... Или даже более того. Оба оказываются захвачены очередным повторением самой скорбной любви—трагедии.

Он называл ее принцессой Папиной, по имени сестры и возлюбленной императора Моктецумы, который в знаменитом ониксовом зеркале предвидел возвращение богов — за какое событие впоследствии было принято появление испанских конкистадоров. Серрано, женатый и имевший детей, просто потерялся в этой любовной грезе; здесь он узнаёт образы «его» и «её», магически объединяемые теперь в любовный союз мужественности и женственности.

Автор начал писать «Приглашение в ледяные пустоши» как продолжение «Ни сушей ни морем». Всякий раз, написав очередную главу, он зачитывал ее Ирен во дворике ее дома — книга питалась духовной изобильностью любви, но вместе с тем оказа-

лась и незавершённой. К мукам членов семьи и отчаянию Серрано, здоровье Ирен ухудшалось. Затрудненное дыхание и кровавый кашель указывали на туберкулез. Горечь любви и агонии, разрывающих сердце, почти непереносимых, высказаны самим автором — и мы не станем пытаться объяснить драму как-то иначе.

Смерть Ирен в марте 1952 разорвала жизнь Серрано — от этой катастрофы он так и не оправился. Прекрасная история любви завершилась печатью трагедии. «Приглашение в ледяные пустоши» так и осталось незавершённым, но с того момента архетипическая любовь, идея его-ее, будет присутствовать в его книгах самым могущественным выражением эзотерического союза между человеческим и божественным. Только трагедия раскрывает путь к этому знанию, единственно способному воскресить вечную любовь А-мог, что значит «без смерти».

«Он-она: книга магической любви», изданная в 1973, полностью посвящена тантризму, магии бессмертной любви:

«Рыцарь обнаружил изображение лица в скале грота, в самом темном углу. Лицо женщины с распущенными волосами — в ее взгляде, во всём облике, он чувствовал прикосновение чего-то первобытного, что наполняло его узнаванием. Образ складывался из выщербин и выступов во влажном камне. Может быть, выбитых льдом прошлых эпох, а может, исполненных человеком вымершего вида. Что-то звало рыцаря к почитанию образа. В этом углу пещеры он устроил святилище.

В глубине пещеры струился ручей, к звукам которого рыцарь прислушивался в вечерних размышлениях, прежде чем уснуть. Ему казалось, он слышит голоса забытых времен и далеких краев. И вместе с тем, повисая у темных сводов пещеры, давало знать о себе особое послание, понять которого он не мог».

Очевидно, что влияние Юнга позволило ему, вслед за смертью Ирен, развить чудесную интерпретацию магической любви. «Никогда я уже не буду любить, как тогда. Я любил только Ирен», отмечает он в мемуарах.

Посещение Индии

К 1953 году президент Карлос Ибаньес дель Кампо назначил Серрано торговым представителем в Индии, а позже сделал и послом. Как мы увидим, Серрано выгадал себе пост из личных интересов, хотя вовсе не в ущерб неизменно успешной дипломатической деятельности. Первая коммерческая договоренность между Чили и Индией была достигнута благодаря нему.

Эта поездка взрастила и отточила эзотерическое видение поэта, открыв ему двери к уникальному знанию, став колыбелью его учения. Он узнал о священной горе Кайлас, духовном антиподе вершин Мелимойю. «Я пришел с Мелимойю на Кайлас» — скажет он в речи, представляя свои дипломатические верительные грамоты. Пик Мелимойю — точный географический антипод таинственной пустыни Гоби в Монголии.

Почти сразу же по прибытии в Нью-Дели, он целиком погружается в таинственный край брахманства, проникается симфонией вод Ганги и Брахмапутры. Здесь он становится свидетелем изгнания юного далай-ламы, когда коммунистический Китай оккупирует Тибет. Серрано открывает беженцу двери посольства и предоставляет убежище, в то время, когда никто другой не осмеливается проявить участие из страха перед Китаем. Те же государства, что позже объявят далай-ламу символом борьбы за свободу, многие годы вообще отказывались его признавать, так что он мог полагаться только на посильную помощь друзей. В свое время далай-лама так же помог австрийскому альпинисту Хайнриху Харреру — нацисту, позднее описавшему свои приключения в широко известной книге «Семь лет в Тибете», осветив явные части странной миссии в Гималаях и в некоторой степени подтвердив реальность эзотерических мотивов, витавших в среде немецкого национал-социализма.

Далай-лама не забыл о поступке Серрано, подтверждая их дружбу, и даже спровоцировал неловкий случай во время первой поездки в Чили сорок лет спустя, в 1992 году. В аэропорту Сантьяго, пройдя мимо встречавшей его официальной делегации, он направился приветствовать дон Мигеля. Хотя агенты охраны заставили Серрано отступить — камеры мировых информационных агентств запечатлели необычную сцену.

В Индии Серрано навещали многие путешественники: художник Хулио Эскамес, иллюстрировавший некоторые его книги, или поэт и будущий нобелевский лауреат Пабло Неруда. Ему наносили визиты и такие международно известные люди, как красавица актриса Дженнифер Джоунс и даже Эрнесто «Че» Гевара — в то время находившийся на задании в Индии и разделивший с Серрано несколько занятий йогой. И всё же, самыми выдающимися в его окружении оказывались сами индийцы: премьер-министр Джавахарлал Неру и его дочь, незабвенная Индира Ганди, ставшая близким другом Серрано. Ее сын Раджив играл на коленях поэта во время встреч с Индирой. И мать и сын сделались лидерами Индии, и оба погибли в схожих обстоятельствах, пав жертвами политических убийств.

Здесь же Серрано пишет новые книги, воплотившие гармонию ландшафтов в предельно изящном красочном смешении прозы и поэзии: «Визиты царицы Савской» и «Таинства» в 1960 году и «Змей Рая» в 1963. «Таинства» — наименее известная работа Серрано, изданная в Непале на особой бумаге ручного производства с рисунками Эскамеса. «Змей Рая» более известен и любим — здесь Серрано рассказывает о своих индийских приключениях, духовном искании, — и этой книгой завершает «Трилогию о Поиске во внешнем мире» (открывали которую «Ни сущей ни морем» и «Приглашение в ледяные пустоши») — в 1974 году под таким названием три книги были изданы под одной обложкой. Вот как Серрано описывает колыбель индуизма:

«Внешнее пламя не расплавит конфликта полярностей. Пропасть отделяет андрогинного Бога-слона он юнцов-гермафродитов Чандни Чоук. Первый превзошел мужское, вторые его отбросили».

«В некоторые моменты я оказывался посреди этих процесий, шагающих сквозь баснословную ночь, где, посреди бесконечных запахов вместе с каплями пота падали звёзды. Я шёл за ними, не зная, кто я, куда иду, и буду ли я способен однажды возвратиться на родину».

Серрано «спасает» Антарктику

С Антарктикой связаны не только приключения в насыщенной сюрреалистической атмосфере. В какой-то момент Серрано оказался вовлечен в защиту антарктических территорий Чили, установив поистине магический треугольник между мистическими полюсами трех материков, которые в седой древности действительно были одним континентом: от Анд к Гималаям, от Гималаев к Антарктиде.

Представитель Индии в ООН Кришна Менон выступил с официальным предложением интернационализации Антарктики. Расчет был на одобрение тех стран, что не имели собственных антарктических земель и не желали признать притязания других стран — а богатства полярного континента возбуждают алчность. Встревоженный опасным развитием событий, посол Аргентины в Индии Висенте Фатоне искал встречи с властями в Нью-Дели, но не преуспел. Ничего не добился и представитель Северной Америки Джон Шерман Купер. В Вашингтоне было решено отправить Кэбота Лоджа как чрезвычайного посла, чтобы убедить Индию отозвать предложение. Ничего не помогало.

Ощущая ответственность, легшую на его плечи, в дело включился Серрано. Поначалу его ждали те же неудачи, что и всех прочих дипломатов. Но, благодаря дружбе с Индирой, он сумел добиться разговора с ее отцом, премьер-министром Неру.

Джавахарлал Неру внимательно выслушал речь чилийца — для Чили предложение Менона обернулось бы крахом многолетних усилий, направленных на признание земель в Антарктике, с которыми сам Серрано, как с родиной, обрел сокровенные и неизъяснимые узы. Индийский лидер принял послание. Кивнув, он вложил красную розу в петлицу посла — и распорядился отозвать предложение Менона. Эта необычная встреча, исполненная исторической важности, в деталях описана самим Серрано в автобиографии «Воспоминания о нём и обо мне».

Одержимый своей идеей, Менон пытался представить свой проект снова — Неру же настоял на окончательном отзыве. Кэбот Лодж и Фатоне выразили формальное признание достижения Серрано — ведь, практически, Антарктика была спасена от неуправляемой интернационализации, которая сделала бы континент предметом планетарных конфликтов, вызванных жадной наживы.

В закрепление невозможности любой попытки сделать Антарктику ничейной незаконной землей, президент Соединенных штатов Дуайт Эйзенхауэр разослал приглашение 12 странам-участницам Международного года геофизики на конференцию о будущем Антарктики. Итак, 1 декабря 1959 года двенадцатью государствами подписана конвенция об Антарктике, вынуждающая считаться с мирным статусом Антарктики и не допускающая нахождения здесь любых военных или оружейных объектов. Континент остается открытым широкому кругу международных научных изысканий, а территориальные претензии всех подписавшихся стран признаются и остаются неизменными на весь срок действия договора, тем самым блокируя возможность возникновения любых новых территориальных претензий.

Мигель Серрано не удостоился никакого особого признания за достижение, ставшее одним из немногих выдающихся успехов международной дипломатии Чили.

Прекращение дипломатической карьеры и жизнь в Европе

Впоследствии Серрано служил на дипломатических постах в Югославии, тогда же организовав визит маршала Тито в Чили. Последний его пост — представитель Чили в Международном агентстве по атомной энергии в Вене и в Агентстве объединенных наций по промышленному развитию.

Интриги, затеянные личными врагами, вынуждают Серрано оставить дипломатическую деятельность. С приходом к власти правительства Народного единства, посредством темных маневров тогдашнего канцлера Клодомиро Альмейды, Серрано получает отставку с действительной службы.

Отправленный на пенсию в столь неблагополучных обстоятельствах, он отправляется в итальянскую Швейцарию, и здесь, с 1972 года обитает в знаменитой стародавней вилле Каса Камуцци в Монтаньоле, где, среди прочих, жил и Герман Гессе. Вопреки тому, что Серрано неизменно отстаивает позиции эзотерического гитлеризма, многие международные авторы связывают его имя с тогдашним движением нью-эйдж, сравнивая его с Тимоти Лири или Олдосом Хаксли, к которым сам Серрано никогда не проявлял ни особого сочувствия, ни доверия. И всё же, гости получают в Каса Камуцци теплый прием, в особенности те, что приходят из желания познакомиться с местом, где когда-то жил Гессе.

Каса Камуцци пропитана творческим гением, и здесь в 1974 году Серрано пишет «Ницше и Вечное возвращение» — зрелый ум воплощает понимание, основанное на ницшеанстве, брахманстве и символизме юнгианства, а также вселенской мифологии и языческой теософии — его главных источников вдохновения (кроме того, книга многим обязана страстному вагнерианству и аристократическому эзотерическому христианству):

«Я чувствую, как вокруг моего горла затягивается узел. Вернутся ли однажды воспоминания моей юности? Но это что-то, приходящее извне меня, потому что та “благородная фигура”, что однажды была тут, стала сияющим немеркнущим знаком — и его воспримет цепь следующих поколений, вновь вынужденных обдумывать ее, чтобы род не был разрушен механистичностью и вульгарностью, чтобы семя мужественности не было уничтожено».

Четыре года спустя, в 1978, рождается первая часть его великой трилогии, снискавшей любовь и ненависть: «Золотая цепь: эзотерический гитлеризм». Философское наследие делает Серрано будто обвинителем от эзотерического гитлеризма, но его «расизм» далёк от идей белого превосходства или горячечной одержимости «арийцами»; идеи Серрано противоположны материалистической биологической обусловленности дарвинизма или обыденного либерального франкмасонства:

«И теперь мы, жители Южной Америки, смешанные расы, принадлежащие к, как говорит перуанский писатель Антенор Оррего, “подмышке мира” на земной поверхности, впаханные вглубь — то есть, нордические люди Юга, Великого Юга — какое отношение мы имеем ко всему этому, какую часть мы представляем в Великой игре?

...Ответ лежит в признании того, что раса, о которой говорит космическая игра — это раса духа и легенды. Здесь нет никакой биологии, никаких вещественных наук внешней земли. Миф и легенда неразделимы, как и архетип. Нельзя сказать что они присущи одним точкам планеты в большей степени, нежели другим — разве только на малый момент, и только для того, чтобы войти и выйти в тот же *Unus Mundus*. Только в определенные моменты истории миф и легенда восседают в некоем центре живого тела Земли, и, действуют оттуда, воплощаясь в людях, чтобы донести послание от предопределения, — как тот белый дух, призрак, которого видел мой наставник: он покидал Германию, до конца исполнив некоторую часть драмы».

Годы в Европе принесли Серрано некоторые личные достижения, малые и великие. Он встретился с философом Юлиусом Эволой, а также с поэтом Эзрой Паундом — который в своем жанре, наверное, был величайшим в двадцатом веке, но по окончании Второй мировой понес жесточайшую кару за преданность феномену нацизма, фашизма. По инициативе Серрано в 1973 году в испанском Мединачели был возведен единственный существующий в мире памятник Паунду. Многие годы спустя, в номере «Эль Меркурио» за 2 ноября 2002, в день 30-летия со смерти Паунда, Серрано говорит так:

«Чего большего может желать поэт, когда вещи начинают говорить его стихами? Чего еще ему желать, если в его честь поёт скворец? Какого еще подтверждения величию человека, поэта,

можно искать, если небо, природа, проявляют себя так, будто подтверждают его правоту? В Мединачели всё так же поет скворец, и он поет для Эзры Паунда».

Лишь гораздо позднее труды Паунда, уже несколько высвобожденные от демонизирующих политиканских предрассудков, стали вновь открывать и спасать от забвения, однажды им намеренно отведенного — и Серрано, вероятно, был первым, кто выступил в защиту памяти поэта.

Возвращение в Сантьяго-де-Нуэва Эстремадура

Не зная о глубоких политических конфликтах, разрывающих его страну, в 1980 году Серрано возвращается в Чили. Родной край разделен, и сам он временами оказывается чужаком: нет ни старых друзей, ни встреч в привычных местах. Исчезли огни, тени, цвета. Осталась любовь к Сантьяго, реке Мапачо, холму Санта Лусия, Аламеде. С ними он не может расстаться.

Продолжая разрабатывать нищенские и индустриальные сюжеты, в этом же году он публикует «Нищие и танец Шивы». Становится понятно, что Серрано жертвует поэзией ради сочинений идеологической направленности, — и это решение многие из ближайших союзников осыпают упреками.

Серрано переезжает в прекрасный пригород Санта Лусия (сегодня Баррио Боз Ар), где поселяется в «Лодке» архитектора Серхио Ларрэйна, здания в стиле баухаус. Стены в его апартаментах на шестом этаже выкрашены в зеленый; здесь возникает музей его жизни: воспоминания, приключения, завидный опыт в далеких краях. Сюда часто приходят посетители. Серрано с равным радушием принимает всех. Позже он чередует пребывание здесь с жизнью в Вальпараисо — на Авенида Алемания он растит пастушьих собак и также хранит многие воспоминания.

Вопреки всему, связь со Старым светом не прерывается. Например, в 1984 Серрано едет в Мадрид, и, встретившись с бельгийским героем Второй мировой Леоном Дегреллем, заводит с ним дружбу на всю жизнь. Как и Дегрелль, Серрано совершает паломничество в город Сантьяго-де-Компостелла — один из могущественных символов гиперборейской эмиграции, которую Серрано считывает с карт допотопного мира. Он убежден, что связь между двумя городами намного глубже обычной геральдики: чилийский и испанский Сантьяго входят в тело некоторой неуловимой Родины.

В родном Сантьяго Серрано замечают за ежедневными прогулками: его глаза, два ярких изумруда, наблюдают трансформации города. Люди узнают и приветствуют его. Он рад соседям и владельцам лавок, водителям и официантам многочисленных баров и ресторанов. Люди, живущие и работающие здесь, постоянно видят его кружащим у холма. Изящно одетый, с тростью,

умеющий сопереживать мужчина со славным характером, — столь отличный от мультяшного чудовища, каким пытались изобразить его многочисленные враги. С его лица не сходит ясная открытая улыбка.

Далее мы узнаем, как его короткие заметки о наследственной ценности Сантьяго соотносятся с энергичной деятельностью, развитой спустя десять лет по возвращении на родину — незадолго до того, как угроза территориальной целостности поставила его страну в щекотливую дипломатическую ситуацию. Серрано организовывал бесчисленные встречи и лекции, писал статьи в прессу, горячо защищая Чили в спорах с Аргентиной с позиций национализма и эзотерического предания. В том возрасте, когда другие мужчины предпочитают покой и безмятежность, Серрано неустанно сражался за свою страну.

Доктринальные и идеологические сочинения

После издания «Золотой цепи» не было смысла скрывать пламенного сочувствия Третьему райху и участия в Чилийских нацистских движениях. Серрано публикует ряд идеологических книг и мгновенно получает клеймо «бесноватого антисемита и расиста».

В 1981 выходит неоднозначная работа «Протоколы сионских мудрецов и их применение в Чили». Развивая тему текстов, ставших одним из важнейших истоков мирового неприятия иудаизма, сам Серрано при попытке навесить на него любой ярлык заявляет о своём «непротивостоянии ничему». На следующий год появляется второй том трилогии эзотерического гитлеризма, доходчиво названный «Адольф Гитлер: последний аватара», рассматривающий в ретроспективе и с точки зрения эзотерического предания германский нацизм и связь Чили с этим международным явлением. Книга прямо называет фюрера десятой аватарой, то есть — последним воплощением бога Вишну, которого Серрано отождествляет с Вотаном, Одином, одновременно подчеркивая эзотерические корни арийской Индии.

Люциферианское мировоззрение автора пессимистично: согласно индуизму, текущее время — Темнейший век Кали-юги. В народах латинской Америки Серрано находит бациллу саморазрушения; опустошенные декадентством, развращаемые собственными пороками, они вымирают в играх глобалистских сил. В «Чилийском расовом цикле» (1982) он говорит, что однажды превознесенная Николасом Палациосом чилийская раса уже вступила в фазу неизбежного самоуничтожения. Отчасти защищая предложенный Палациосом концепт чилийских метисов (и даже оказав помощь в переиздании его «Чилийской расы»), Серрано дает неутешительные прогнозы. Позже, в 1986 он расширяет критический взгляд до масштабов континента в книге «Национал-социализм — единственный выход для народов Южной Америки». Эти книги с наибольшей ясностью выражают суждения Серрано о предметах расы, этнической принадлежности и человеческой культуры, основанные в том числе на штудиях Жака де Майе:

«Мы не будем подробно описывать здесь те обстоятельные исследования и находки, касающиеся доисторического прошлого Америки, населенной расой белых гигантов, полубогов, легенда о которых к прибытию Колумба и иезуитов всё еще сохранялась в традициях и

документах. Местные, цветные народы континента, называют их “Белыми богами”, то есть, Weisegoten — это визиготы».

Серрано не теряет ни корней эзотерического христианства, ни страстного отношения к мифу. В том же году выходит «Воскрешение героя», одна из самых глубоких философских работ:

«Алхимия дает возможность герою, то есть, заключенному в нём богу, сбежать из тюрьмы, взяв с собой некоторых товарищей (подобных факелоносцам Кауту и Каутопату). И даже, через жертву кровного смешения, искупить горстку существ, для которых этот концлагерь Другой вселенной является родным миром. “Расовое грехопадение” становится военной стратегией — вот что такое “схождение Христа в Ад”. И наградой герою будет именно протяженность земного Я: он добывает бессмертность сознания, возможность наделить лицом недифференцированную Монаду. Герой-человек наделяет лицом Звезду, чтобы стать ею. Таким образом, он становится более великим, нежели боги. Более великим, чем тот Бог, что вошел сюда и разделился на множество равенств. Потому что из этого множества добудет бессмертие только один, обретя Я, став Собой».

В следующий год выходит «Против ростовщичества», в наибольшей степени посвященная социальным вопросам. Здесь Серрано высказывается о необходимости запрета спекулятивного капитала. Цитаты в книге ссылаются главным образом на работы немецкого экономиста Готфрида Федера.

«Хотя крупный ссудный капитал и старается скрыть свою страсть к абсолютному господству, ища законодательного обоснования в римском праве (или скорее праве защиты денег на службе плутократии), внедренного в умы людей, — разрушение тенденции финансового закабаления должно явиться единственным решением маячащего экономического всеобщего рабства перед Золотым Интернационалом, единственным способом изгнать яд мамоны, заражающий и разрушающий ментальность нашего времени».

Тот же критический дискурс представлен и в неоднозначной книге «Андский план», также изданной в 1987 году, где Серрано раскрывает заговор, нацеленный на образование новой республики на землях Патагонии.

В этот период его сочинения главным образом преследуют цели идеологической пропаганды. В 1989 он публикует «Отчет

Лейхтера», воспроизводящих спорные итоги об исследованных в концлагере Освенцим помещений, считающихся газовыми камерами. Проведенное инженером Лейхтером расследование легло в основу линии защиты на суде над ревизионистом Цюнделем. Нужно иметь в виду, что задолго до того Серрано заявлял о неправдоподобности так называемого холокоста, тем самым заслужив презрение многих и долгий список врагов. В мемуарах он даже пишет, что увидев кого-либо из своих друзей-евреев входящим в газовую камеру, «вошел бы вместе с ним».

В 1991 году, во всё более накаляющейся атмосфере, Серрано завершает трилогию эзотерического гитлеризма книгой «Ману: человеку грядущему».

«Сюжет истории архетипичен. Уже испытан и выстрадан в другом витке “кем-то”, кто чувствовал своё “я” так же, как его чувствую сегодня я; разница в формах, если таковая имеется, на самом деле не имеет значения, с тех пор как я научился узнавать Вечный мотив в себе самом. И Архетип, будучи единственным и неразделимым, хоть и распространяемым на множество, воплощается в очередном круге в очередном я, — той же самостью, в вечности архетипа, но теперь осознанного, достигнутого, осязаемого. Вечный мотив, вновь воплощаемый ограниченное количество раз (числа эти тоже архетипичны), соответствует приливу моего полдня, и является моим камертоном. Возвращения дают мне возможность завоевать или исчезнуть. В них я играю в воскрешение и бессмертие, мою родословную, которая теперь достигла полного прилива в ницшеанском откровении на скале Заратустры. Если я не отправлюсь за “знаком времени” в миге Кроноса, достигнув чего-то, о чём никогда даже не мечтал, — тогда вероятно, хотя и не определено, что архетип еще раз возвратится, чтобы воплотить себя в той же самости, “завладев ею” в безмерности еще одной кальпы, еще одной манвантары, еще одной юги. Но уже с меньшей силой».

Полемические обвинения

Хотя Серрано никогда не был связан с военным режимом, распространение политической договоренности, согласно которой чилийские партии просто чередовались, независимо от голосов избирателей, показалось ему чрезвычайно подозрительным. Серрано узнаёт, как могущественные международные магнаты скупают на юге Чили крупные земельные участки, устанавливая частные монополии на крупнейшие водоносные горизонты. По его мнению, это доказывает реальность заговора в Патагонии. В 1991 году в книге «Новый мировой порядок для Патагонии» печатается речь, произнесенная автором 5 сентября 1991 у памятника жертвам бойни в Рабочем страховом фонде. В следующем году выходит схожая по содержанию книга «Защити нашу Патагонию».

В 1992 году пятисотлетний юбилей «открытия» Америки Христофором Колумбом накалил атмосферу исторического ревизионизма, охватившего тогда латиноамериканских интеллектуалов. Человеческие и культурные жертвы, понесенные континентом в последующем завоевании, выглядели катастрофическими. В тот год Серрано публикует книгу «Мы не празднуем смерть Белых богов» — отстаивая теорию, согласно которой древние скандинавские поселенцы колонизировали обе Америки прежде всех прочих — а свидетельства этого были уничтожены европейскими конкистадорами. Любопытно, что эта теория, основанная на находках де Майе, в последние годы подтверждается несколькими археологическими открытиями.

Тема параллельных реальностей также появляется в работах Серрано: в 1993 он публикует «НЛО Гитлера против Нового мирового порядка», высказываясь в пользу того, что эти летающие суда являются наследием Третьего рейха, — теорию эту, как ни странно, поддерживает ряд других исследователей истории Второй мировой. На следующий год, возвращаясь к доктринальным сочинениям, он печатает первый полный перевод «Mein Kampf» на испанский. После смерти Леона Дегрелля в 1994 он пишет «Наша честь зовется верностью» как дань уважения вождю бельгийского рексизма.

Для Чили это был сложный год: неудачное соглашение между президентами Эйвином и Менемом привело к уступке спорных территорий. Арбитражный суд, полностью поддерживающий сторону Аргентины, вынес решение совершенно не в

пользу Чили, основываясь на критериях, игнорирующих прежние границы. Серрано вместе с товарищами Хуаном Диего Давилой, доктором Хорхе Варгасом и академиком Эрвином Робертсоном в публичном заявлении в отеле Тупауэе выразили протест против пристрастности арбитражного суда и возложили ответственность за территориальные потери на чилийское министерство международных дел и президентский дворец. Этот поступок привлек к дону Мигелю внимание широкой общественности.

Результаты территориального спора Серрано счел еще одни подтверждением реальности заговора против Патагонии, о чём снова писал в книгах «Заговор глобалистов и предательство Чили» и «Заговор глобалистов: Лагуна-дель-Десьерто и N. A. F. T. A.», посвященных главным образом утрате территорий. Бесчисленные письма Серрано в средства массовой информации были сведены вместе в документе под названием «Письма в предотвращение конца Чили» в 1995. В сочинениях «Конец Чили» (2001) и «Сдача Патагонии» (2003) Серрано вновь возвращается к этой теме, предупреждая тоном драматичным, почти отчаянным:

«Апокалипсический пейзаж таков, что, даже принимая во внимание суицидальную ментальность чилийцев, я не могу счесть сложившуюся ситуацию плодом только невежества, трусости и стремления откупиться от проблем. В особенности после того, как простодушные и смиренные люди Чили согласились отдать территорию, принадлежащую им».

Те же обвинения встречаются и в других работах автора, таких как «Имитация правды» (1996), где он критикует нереальность Интернет, виртуализацию и исчезновение личных отношений в цифровой реальности. Ошарашенный политическими манипуляциями, сопутствующими докладу Валеча, в 2005 он издает «Лицемерие: пытки в Чили».

Ретроспектива и мемуары

Уже частично отстранившись от публичной деятельности, вступив в пору старости, Серрано берется за мемуары. Первоначально запланированные три тома обернулись четырьмя — и их называют лучшими из всех мемуаров чилийских национальных писателей.

Первая книга озаглавлена «Воспоминания о нём и обо мне. Появление себя, отступление его». Приводя обильные документальные материалы, автор вспоминает детство и юность, годы в школе для мальчиков и вступление в гениальное Поколение 38. Название книги отражает эзотерическую концепцию всеприсутствия: Самость существует в двух положениях, одно низшее и земное, другое — превосходящее, отражающее дух. Обложка первого тома черна, поскольку отражает делание в черном, нигредо алхимического процесса.

Во втором томе, «Воспоминания о нём и обо мне. Адольф Гитлер и Великая война» (1997), Серрано обстоятельно описывает время своего обращения к национал-социализму, начиная с участия в литературном поколении, своего антарктического приключения и трагедии Ирен. Особое внимание уделено войне в здании Рабочего страхового фонда и приходу к власти Народного фронта. Порой кажется, что автор пересказывает всю историю Чили во время и после Второй мировой. Поездка в Европу и дружба с Германом Гессе представлены живо и тщательно выписаны. Это насыщенная, драматичная и ностальгическая книга, раскрывающая многие, до тех пор нигде не описанные автобиографические страницы. Драма Ирен, его возлюбленной «принцессы Папины», рассказана здесь до последнего вздоха. Цвет тома — белый, альбеде алхимического делания.

Следующий том будет красным, соответствуя рубедо, последнему шагу преобразовательного делания. Здесь описан самый яркий период странствий Серрано: «Воспоминания о нём и обо мне. Миссия в Трансгималаях» (1998). На страницах тома — имена Юнга, Ганди, далай-ламы вместе с сиянием вершин Кайласа и вод святых рек. С почти мальчишеским восхищением автор рассказывает о попытках найти забытый эзотерический орден, некогда поддерживавший Адольфа Гитлера из тайных укрытий в тибетских горах — такова была действительная причина его странствий в священных землях.

Наконец, в 1999 году выходит четвёртый том, «Воспоминания о нём и обо мне. Возвращение», рассказывающий о встречах с президентом Альенде, военной хунте, дипломатической миссии в Югославии, поездке в Австрию (также вызванной нуждами гитлеризма) и жизни в Монтаньоле. Серрано подробно рассказывает о возвращении в родные земли, о несбывшихся надеждах колонизации Мелимойю, и настаивает на недопущении сдачи Патагонии в руки международных дельцов. Цвет тома — золотой, символизируя окончательное преобразование в жидкое алхимическое золото.

Последние издания

Хотя мемуары окончились с четвертым томом, в книге 2003 года «Сын вдовца» также есть нечто интроспективное. Это финальное обобщение мировоззрения, выраженное как языческое эзотерическое христианство, — противостоящее тому официальному христианству католического Рима, которое Серрано считает маской иудаизма. Автор также рассматривает эзотерические корни SS и ислама.

Последняя его книга, опубликованная в 2005 году, названа «Майя: реальность — это иллюзия». Существует некоторая вероятность того, что ученые Третьего рейха научились создавать полные «копии» людей, и, таким образом, вожди режима имели нескольких двойников. Серрано вспоминает о встрече в Австрии с весьма необыкновенным человеком:

«Ночь. Город погружён в полумрак. Мы шли, пока перед нами не появился слабый свет. Это была большая дверь плохо освещённого киоска под вывеской «Coca-Cola». Мне подумалось, что мы заблудились, ведь это место не может быть целью нашего путешествия. В киоске, занятый газетами на прилавке, сидел мужчина в одной рубашке. Мунд представил его мне как инженера секретного оружия, и пояснил, что это — единственная работа, на которую тот смог устроиться, не выдавая своей личности. Мужчина встретил меня радушно, как будто ему уже сообщили обо мне и о причине моего визита. Когда я спросил, что он думает о Бормане, он ответил неожиданно и странно, задав другой вопрос: «Вы знаете, кем был Гитлер?».

Порядком удивившись, я ответил: «Конечно знаю! Как я могу не знать?»...

«Нет», — сказал он, — «вы не можете этого знать, потому что не знает никто, ничего не известно доподлинно... Знали ли вы, что русские нашли в бункере и канцелярии в Берлине четырнадцать трупов Гитлера, одинаковых? Какой из них был сожжён в саду бункера? Какой из них был настоящим Гитлером? А какой отправился в Антарктику? То же самое с Мартином Борманом и Рудольфом Гессом... Какой Борман подлинный: тот, что был в Чили или тот, что умер в Москве?».

В эти годы Серрано по-прежнему ведет настойчивую переписку по вопросам, касающимся сохранения наследия Сантьяго. Например, он выступает за сохранение сети тропок вокруг холма

Санта Лусия и против осуществления новых агрессивных транспортных проектов, не принимающих в расчет сакральную географию любимого города, который он защищал до последнего вздоха. «Сантьяго-де-Нуэва Эстремадура, единственный в мире, с двумя наваждаемыми холмами: Сан Кристоаль (Тупауйе, Обитель Бога) и Санта Лусия (Уэлен, Боль)».

Он уже не покидает родных мест: продав прекрасный дом в Вальпараисо, переезжает совсем недалеко, поселяясь в соседнем квартале Максимо Хамбсер, взяв с собой всего несколько живописных полотен — всё так же оставшись на склоне холма Санта Лусия, дорогой ему Уэлен.

Отрицание и кара: мнение Урибе

Очевидно, что открытая приверженность Серрано национал-социализму стоила ему признания культурного и политического истеблишмента. Кроме того, он время от времени подвергался прямому преследованию. В начале 90-х его дом был разграблен и перевернут вверх дном — исчезли важные рукописи неопубликованных работ. Серрано никогда не простили проведенного многолюдного собрания в Эль-Аррайян по поводу столетия со дня рождения Гитлера. В то же самое время, празднования годовщин кровавой советской революции признаются «политически корректным».

Серрано высмеян, присутствие его книг в магазинах и библиотеках признано «неизбежным злом», он никогда не получил национальной литературной премии, многожды заслуженной им за длительность, глубину и значительность его труда. Лишь немногие осмелились противостоять циничности медийных средств, признав работу Серрано в своих письмах и статьях, как, например, поэт Кристиан Уорнкен, пригласивший его на свою телепередачу «Красота мышления».

Армандо Урибе, поэт, бывший посол при правительстве Альенде и достойный лауреат национальной книжной премии в 2004 году также решился выступить против правительственного лицемерия. На 88-ой день рождения Мигеля Серрано, на мистической церемонии, посещенной виднейшими представителями чилийской литературной элиты, он говорил так:

«Мигель Серрано — поэт прозы, но не надо путать его с авторами “поэтической прозы”, перемежающих строки выплесками лиричных стихов, использующих самые привычные и избитые клише: цветы, любовь, звезды и прочие туманные дымы, которые якобы поднимают дух от бытования повседневности. Поэзия Серрано исходит из фабулы его историй и чарующей естественности его сверхъестественных персонажей. Его поэзия в прозе, его иномирные рассуждения в исключительно рациональной форме выражают то, что осталось бы невыразимым для любого другого автора, — и настолько убедительно, что читатель делается будто обитателем невиданного мира Мигеля Серрано, пускает корни на его планете. Потому Серрано — поистине поэт. В полноте его работ, сотворенных почти из ничего (хотя могучая связь с реальной историей и географией и признание предшественни-

ков выковали собственную генеалогию), — личная мифологическая чилийская вселенная.

Магию Чили он наделяет вселенским значением. Я думаю, он — единственный поэт среди нас, кто, имея столь всеохватную амбицию, оказался в силах воплотить ее во всей полноте масштаба.

Нужно рассматривать работы Серрано в целостности, это его космос, предложенный нам как дар. Его четырехтомные мемуары должны занять надлежащее место в литературе высокого чувства и ума. Изложенный им жизненный опыт фактически достоверен. Так же достоверны и его фантазии, поскольку такова сила его слов и фраз, его прозы и поэзии в прозе.

Отмечая сегодня день его рождения, мы совершаем поступок человеческой справедливости, и, повторюсь, признания поэзии».

Но, несмотря на голос Урибе, награды по-прежнему обходили Серрано стороной, в продолжение почти тридцатилетней кампании испуганного замалчивания.

Кем был Мигель Серрано

Дон Мигель Серрано Фернандес скончался субботним утром 28 февраля 2009 от кровоизлияния в мозг. Его останки похоронены на Главном кладбище Сантьяго — городе, в котором он родился, который оставил, куда возвратился вновь и где умер.

Разумеется, постоянная анафема угрожает забвению его лучших работ, как и в случае с Паундом и Эволой. Попытки демонизации будут подчеркивать в его портрете выдуманные монструозные черты, чтобы скрыть значение его «прокаженной литературы». В этом нет ничего нового: чтобы не допустить вручения награды Марии Луизе Бомбаль оказалось достаточно пригласить ее к злоупотреблению спиртным. Чтобы не допустить признания Лафуркад, хватило обвинения в «несерьезности». Удобо оказался «чересчур юн» и подозреваем в «сговоре с дьяволом». Тейлдер также был осужден за пристрастие к бутылке. Очернить Серрано вообще не стоило никаких усилий: он же нацист! Этого достаточно, поскольку национальная литературная премия теперь присуждается за «приемлемое политическое поведение», то есть превознесение узкого круга привилегированных лиц. Любой неудобный автор здесь окажется козлом отпущения.

Кто-то назовет его спятившим стариком, не сумевшим вырасти из старосветских фантазий; но этот «сумасшедший», не повышая голоса, мгновенно завладевал вниманием всех присутствующих в любом ресторане по соседству, зачаровывая объемом знаний, доброжелательностью, необычайно богатым языком и трезвостью суждений. Кто-то будет припоминать расистские высказывания против евреев, негров, индейцев... И никто не узнает, насколько сердечно он принимал молодых людей еврейского происхождения, приходивших к нему за советом и помощью. Никто не вспомнит его слова в защиту мапуче, которых он считал основой смешанного чилийского народа. Не вспомнят ни выказываемого им признания великим писателям с еврейскими корнями, например, Полю Ре, Густаву Майринку и Стефану Цвейгу, ни его пожизненной дружбы с Володей Тейтельбомом.

Я же лично навсегда запомню его таким, каким видел тут, в Ластарии или Виктории Суберкасо: на прогулке в широкополой шляпе, и все встречные собаки радуются ему, как хозяину. На самом деле, единственная полученная им официальная награда —

признание от Общества защиты животных. В Аргентине он опубликовал прекрасную повесть в память об умершей гималайской собаке Дольме, за что и получил награду, которой дорожил как знаком своего завета любви к животным.

Я хорошо помню и то, как он выпивал рюмку любимой настойки «Араукано», всегда предлагая и гостям — в его зеленых апартаментах, полных символов, флагов и портретов; здесь же на стене висел меч Эскалибур. Мужчина восьмидесяти лет, никогда не чувствовавший неловкости в окружении молодых друзей, в «Леопарде» или литературном кафе «Москето», с Кристианом Уорнкенем, где желающие могли встретить его чуть не каждый день. Я же виделся с ним лично благодаря случаям, символам, парадоксам — всему тому, что вращалось вокруг могучей оси его воли. Я помню и его пристрастие к курению в популярном ресторане «Лили Марлен» в Провиденсии, где беседы тянулись всю ночь до рассвета. Кто-то из гостей ресторана при случае предлагал отвезти нас домой, поскольку все мы жили по соседству. Тогда, в тесном салоне дон Мигель становился очень веселым и радостно смеялся удивленным лицам тех прохожих, кто сумел узнать его через окошко трясущейся машины.

Очевидно, что Серрано заслужил почетное место в национальном искусстве, намного более великое, чем хотели бы те карлики, что пытались отказать ему в даже в погребении. Всё же, очевидно и то, что при жизни в почете ему было отказано. Наверное, только неблизкое будущее принесет понимание того, что литературный гений не должен потакать прихотям публики. Мы остаемся только его читателями. Просто читателями.